

РАССКАЗЫ

БАЙМЫРЗА

Я еду к Баймырзе. Еду к нему, полагая, что он – человек, дела которого не расходятся со словами. Конечно, в городе, где проживает полтора миллиона человек, найдутся люди позначимей, чем Баймырза, чьи слова заметней, а поступки и дела покрупней. Но и в характере, и в личности этого джигита было что-то такое, что притягивало к нему людей.

И внешность у него была такая: посмотришь – залюбуешься. Он был высок ростом, выше многих рослых европейцев. При этом он не выглядел длинным, как шест, или прямым и тощим, как курук для ловли лошадей. Рост нисколько не портил его внешность. Вдобавок к этому бог наградил его широкими плечами, выпуклой мощной грудью, придав ему весьма мужественный вид. И лепил бог этот торс очень соразмерно, пропорционально узкой талии, стройному стану, не громоздя плечи несуразно выпирающими буграми. А когда видели его на пляже, или на теннисной площадке, или в сауне, то, глядя на его развитые икры, крепкие бедра и поигрывающие бицепсы, сразу понимали, что этот человек серьезно занимается развитием своего тела.

Лица у европейцев, как правило, узкие и удлиненные, однако у Баймырзы оно было другое – не плоское и круглое, как у монголов, а вообще-то обычное казахское лицо, нечто среднее между этими противоположными типами, – мягкий овал, словно искусно вырезанный рукой мастера. И не узкие, и не слишком большие карие глаза, расположенные под густыми черными бровями, прямой точеный нос под ними говорили именно о евро-монголоидном человеческом типе. Может быть, вы спросите, какой цвет кожи у такого молодца? Ответим так. Что получится, если наложить на оранжевую краску светло-серую? Конечно, выйдет матовый, желтоватый цвет. Именно по этой причине наши женщины выглядят такими светложими, с мелкими правильными чертами лица, а мужчины наши, брюнеты, – смуглыми либо темно-смуглыми или бледновато-рыжими. Нашего Баймырзу, которому не часто приходилось бывать под солнцем, можно было называть светлолицым. А гладко причесанные густые волосы, открывающие большой чистый лоб, прекрасно оттеняли белизну его лица. Одним словом, по его облику можно было без труда составить представление о настоящем казахе, пусть прошлого или нынешнего века.

Действительно, наверное, батыры прошлого выглядели именно так, как Баймырза. И в самом деле, если одеть его в кольчугу да латы, не пробиваемые острием стрелы, а в руки дать голубое копьё, распарывающее доспехи врага, посадить его на храпящего боевого коня, разве не преобразится в эпического воина наш Байекен, чья повседневная одежда не могла скрыть играющую силу могучего джигита? И разве не стал бы он тогда яростным воином, умеющим в поединке найти слабое место в обороне противника и сбросить его неотразимым ударом на землю, а если нахлынет многочисленный враг, способным не растеряться, а, напротив, – в гневе помчаться на него, разя мечом направо и налево?

Однако такой человек, как Баймырза, не намерен оставаться на пьедестале единственного в своем роде батыра. Он настолько же и умен, чтобы руководить и другими людьми. Ума и воли такого батыра вполне хватило бы и на то, чтобы, возглавив 10 или 15 сыновей, данных богом, парней из своего рода, последовавших за ним, повести за собой сотню вооруженных джигитов. Кто знает, быть может, если бы на то была воля Бога да поддерживали бы аруахи, из него вышел бы неплохой полководец, водитель тысячи или даже десяти тысяч воинов? Таким образом, с честью разгромив врага, вернулся бы с богатой добычей, а самое главное – с полоненной красавицей... И перед всем народом обручился бы с ней. Что делать, у наших славных предков была такая вот слабость.

В те времена доблестные мужи совершали поступки, несовместимые с моралью нашего времени: дабы обновить кровь своего рода, брали красивых дев из чужого народа; чтобы семьи близких не осиротели, женились на вдовах своих преждевременно умерших братьев.

Подумайте сами, если нехорошо занять прозвище ненасытного мужа, хорошо ли прослыть многоженцем? Эх, покойники – пресветлые предки наши, считая одной из главных бед нашего мира слишком легкую жизнь беззаботного мужчины, какую же выгоду приобрели они от многоженства? Если бы они умиротворились тем, что дал бог, исповедовали бы смирение, разве сподобились бы мы, только что приобщающиеся к цивилизации, носить постыдную кличку отпрысков многоженцев? Представители развитых культур с отвращением, словно потомков людоедов, воспринимают нас.

Баймырза же – джигит, воспитанный культурой нового времени, конечно, далек от влияния таких обычаев далеких предков. Это сразу же можно почувствовать с первых же его слов. Он приветствует вас салемом основательно, степенно, не как некоторые казахи прошлого – то одарявшие лаской, как степное озеро, то обдававшие горечью, как солончаки. Нет в нем и излишней доступности, как у некоторых, про которых говорят: «Откроет рот – все нутро видно», в то же время нельзя назвать его и замкнутым, неразговорчивым. Он как никто другой умеет здороваться: улыбка затопляет все лицо, до самых густых бровей, казалось бы, таящих суровость, мелкие морщинки во множестве иссекают лучиками углы губ и глаз, при этом он так тепло приветствует тебя радушным голосом, смеющимися глазами, что у тебя горячо становится под сердцем. Кто бы из знакомых ему ни встретился и когда бы это ни произошло, – он всегда приветствовал так. Казалось, он не просто приветствовал знакомого, а предлагал ему всю свою дружбу, всю свою душу. И мы не раз убеждались, что это не просто учтивость, а и щедрость его широкой натуры.

Как-то однажды в пятницу мы с Жарас-ага, заведомо нашей газеты, заглянули в кафе «Каламгер». Мы полагали, что посидим чуток, чтобы немного разгорячить кровь и поднять себе настроение. Однако через некоторое время, мы поняли, что оказались как бы на меже: и не там, где нужно, и не здесь. Нужно было уходить, но и на это мы не решались, потому что душа просила еще чего-то. И в то же время у нас в карманах не оставалось ничего, чтобы удовлетворить желаемое. Жарас-ага все время поглядывал на меня. Тем самым он хотел сказать: придумай сам что-нибудь. Я же, надеясь увидеть кого-нибудь из знакомых, оглядывался по сторонам. Когда брови Жарас-ага начали недовольно супиться, дескать, парень, ты, оказывается, из непутевых, откуда ни возьмись, из воздуха появилась непочатая бутылка и опустилась на наш стол. Официант тем временем расставил бутылки по всем столам. Открыв бутылку и опрокинув в рот по одной рюмке, мы принялись выяснять, кто является автором презента? Этот джигит сидел возле бара спиной к нам.

– Это Баймырза, – сказал Жарас-ага. – Щедрый, милосердный джигит. Он оказывает поддержку многим людям творчества. Если бы таких джигитов было больше, у казахов было бы будущее.

Мы поднялись, чтобы пожать ему руку и поблагодарить за подарок. Видимо, такая мысль пришла в голову многим. Почти половина зала направилась в сторону бара. Джигит тепло принял первых подошедших, он учтиво посадил их рядом с собой. Мы же с Жарас-ага опоздали. Как неприметно пришел Баймырза, так и незаметно он ушел. Один из поэтов старшего поколения устремился было к нему с распростертыми объятиями, чтобы расцеловать его, однако Баймырза в мгновение ока оказался по ту сторону стеклянной двери. Не успев опустить вздернутый подбородок и убрать умиленную улыбку с лица, поэт удивленно застыл на месте. Махнув куда-то вдаль сотовым телефоном, зажатым в пальцах, дескать, меня вызывают, простите, щедрый джигит учтиво поднес правую ладонь к груди, сделал намек на поклон, прощаясь с нами, и, одарив нас теплой улыбкой, пошел по своим делам.

После этого он не раз посещал кафе «Каламгер», оживляя наше застолье. И действительно, без него за все гдатым казалось скучновато. Были и такие, которым было мало его присутствия, они вынуждали его платить за выпитое, вновь и вновь заказывая спиртное. Нашлись и такие, кто вынуждал его оплатить свои долги буфетчице. Баймырза, усмекаясь, выполнял все просьбы таких рвачей.

Кого, как не его, станут после этого называть настоящим азаматом, уж, конечно, не меня, не говоря о помощи другим людям, не способного прокормить даже собственную семью. В народе говорят: «Упитанность украшает только овцу», нас же всегда удивляло, что Баймырза вел себя так естественно, будто сразу появился на свет таким щедрым и богатым. Когда джигиты благодарили его, выражая признательность, он, нисколько не похваляясь, как некоторые писатели, тактично поддерживал разговор, отвечая только на те вопросы, которые считал дельными. Если же кто-то начинал захваливать его, вознося до небес, он умело переводил беседу на другую тему, или присоединялся к другой группе, или просто уходил.

Джигиты, которым хотелось пообщаться с ним, конечно, прибегали к разным уловкам, стараясь увести его подальше от прилипчивых подхалимов и болтунов, уже изрядно захмелевших и назойливо пытающихся выразить свою любовь к нему или нечто совсем уже туманное. Однако, несмотря на ловкость и мастерство, им

не всегда удавалось добиться желаемого, – такова была атмосфера разгоряченной публики «Каламгера». Поэтому порой им приходилось вставать стеной на пути таких чудиков, силой останавливая их, и иногда это переходило в потасовку. Видавший виды «Каламгер» не только поднимает жар, он умеет вселить в таких одурманенных гордецов веру в то, что они «самые талантливые, избранные». Конечно, такому гордецу, воображившему, что он – атлант, подпирающий небеса (что там Алатау да Парнас – это просто кочки на земле!), начинает казаться, что все эти действия объясняются завистью к его таланту, и ему приходит в голову идея проломить стену, стоящую перед ним, дав кое-кому понюхать, чем пахнет его кулак. В конце концов душевный настрой такого героя нередко меняется на сто восемьдесят градусов, оборачивая любовь к Баймырзе на нечто неузнаваемое, вырывающееся с злым шипением, дескать, «кто он такой, этот байчик», «плевать я хотел на его богатство», «размажу нос в лепешку»! Конечно, выясняется, что Баймырза давно уже успел покинуть зал.

Тем не менее, славу Баймырзе создали именно такие джигиты, которые в горячке собирались «размазать» его, «показать ему, где раки зимуют». Нет, они не размазывали ему нос, напротив, публикуя статью за статьей, они с пеной у рта возносили ему дифирамбы: щедрый, дескать, рыцарь. Возможно, они хотели сгладить тот эксцесс в «Каламгере», в любом случае, после того как хмельная горячка проходила, они не обходили вниманием Баймырзу в республиканской печати. Хотя в таких статьях ощущалась излишняя эмоциональность, не зря же говорят: «Если времена пошли, подобные лисе, будь подобным гончей», – но все же хотелось верить, что автор действительно взволнован щедростью спонсора, благодаря средствам которого был построен где-то детский дом, оказана помощь творческим людям, проведены спортивные соревнования. Вскоре выяснилось, что только наша газета не спешила печатать материалы про таких спонсоров. Собрав в своем кабинете пять или шесть сотрудников, Жарас-ага открыл нам глаза на это обстоятельство.

Он поставил перед нами задачу написать материал лучше, чем в других газетах, стремясь раскрыть внутренний мир денежного человека в том плане, что он тоже человек, что он тоже работает на будущее народа. Однако прежде чем назвать имя человека, о котором надо писать, он сказал: «Сами предложите», – и многозначительно посмотрел на меня. Мне не трудно было догадаться, кого он имел в виду, и я, не задумываясь, сказал: «Надо написать о Баймырзе». Жарас-ага кивнул головой, мол, правильно. И вот теперь я еду домой к Баймырзе.

«600-й мерседес», присланный за мной, поднялся по проспекту Аль-Фараби и, не доезжая до микрорайона Орбита, повернул налево и по узкой улочке поехал в сторону гор. Мы ехали мимо заборов разной высоты, сооруженных по прихоти хозяев из разнородного материала, окрашенных в разные цвета. За ними высились одни только частные дома, на этой улочке пешеходы нам не встретились. Да и прохода для пешеходов здесь уже не осталось: там и сям попадались узкие дорожки, большая часть тротуаров, кажется, была когда-то проглочена дворами, огражденными величественными стенами, у которых был какой-то холодный, неприступный вид. На улице не было ни единой живой души, лишь время от времени проносились лоснящиеся глыбы лимузинов, от этого на душе становилось как-то пасмурно. Однако открывшаяся на одном пригорке впереди панорама вмиг

изменила мое настроение. Я, как зачарованный, уставился на малиново-красный знойный шар солнца, низко зависший над изрезанными отрогами гор. Эта картина открылась, когда улица прямо повернула на юго-запад, устремившись к горным прилавкам. Мы ведь, журналисты, такой народ – создаем образ из своей фантазии и всей душой верим в ее силу. В это время потерявшее силу солнце уже не слепило глаза, и его густо налитое красным око напомнило мне священного барса Алатау. Поджарое тело, таящее в себе прыть несравненного бегуна, пружинно застыло словно перед прыжком. Хотя абрис, начертанный ломаной линией хребта, медленно плыл на запад, тем не менее морда зверя была повернута в нашу сторону. Пока я, впечатленный огнем кошачьего взора и оскалом ощеренной пасти, любовался величественными очертаниями, «мерседес» плавно повернулся и, оставляя позади плывущие стены, подъехал к воротам, едва не уткнувшись в них бампером.

Тотчас массивные железные ворота, украшенные узором из сверкающего никеля, автоматически открылись, машина въехала во двор. Когда я вышел из машины, меня охватило чувство, что огромный мир остался позади за забором. Просторный двор соток на тридцать, считая участок, на котором стоял дом, был окружен таким высоченным забором, что над ограждением было видно только синее небо. Стены скрыли даже вершины гор. Но о близости Алатау говорил чистый и прохладный воздух, который я ощутил, как только оказался на улице.

– Добро пожаловать, Курмаш, – откуда-то послышался голос.

Оглянувшись, я увидел Баймырзу, который, приветливо улыбаясь, мягкими шагами шел ко мне.

– Ты сам выбрал для встречи мой дом, а не подходящее место в городе, – сказал он.

– Когда джигит на людях, он стремится произвести наилучшее впечатление, я же хотел увидеть его не завуалированным, – прямо сказал я. – Даже если он не захочет открыться, домашняя обстановка может кое-что выдать, – пошутил я напоследок.

– Если так – смотри, изучай, я пока помолчу, буду отвечать только на вопросы, – сказал он.

Машина, которая привезла меня, выехала через открытые ворота. Во дворе не было видно ни стоянки, ни гаража. Судя по всему, вспомогательные пристройки находились за домом: туда вела и боковая дорога. В глаза сразу бросилось, что пологий двор совершенно чист от ила, который обычно приносят с гор дожди в мае и июне. Мой взор, разлученный с живописной панорамой горных прилавков, теперь был соблазнен рукотворной красотой садового дизайна. Двор, окруженный высоким забором, можно было бы назвать уголком рая. Перед домом с полуподвальным помещением, с мансардой, построенным по образцу вилл балтийских народов, казалось, был расстелен роскошный ковер. От самых ворот до двери дома вела мощеная дорожка, вдоль нее с обеих сторон были высажены цветы. Ровно подстриженная луговая трава была затейливо украшена курчаво-сочным орнаментом из мелких цветов и сизого мха, похожего на взбитый пух. Этот живой ковер лоснился и играл насыщенными красками под ясными майскими лучами солнца. Из декоративных деревьев на расстоянии друг от друга были высажены кусты плакучей ивы и пирамидальной туи. В центре этих посадок находилась тщательно отполированная дубовая беседка с шатровой кровлей. Вторая половина

двора выглядела совсем по-другому. Здесь взгляд утопал в бесчисленных пунцовых цветах розария. Прекрасный цветник окружала живая изгородь, в укромных тенистых нишах которой были устроены сидения. На равных расстояниях над живой изгородью, обрамляя ее, стройным рядом возвышались декоративные деревья, чьи кроны были аккуратно подстрижены под шарообразную форму. В летнюю жару именно они бросали тени на сидения. В самом центре этого уединенного мира находился вместительный бассейн с фонтаном, который высоко разбрызгивал воду, охлаждая чистый воздух и придавая особую прелесть этому дому, уютно расположенному у самых горных склонов. Вокруг бассейна были высажены белые лилии, напоминающие плывущих рядом лебедей.

– Это же рай, – невольно вырвалось у меня.

– Куда там! – усмехнувшись, махнул рукой Баймырза. – Ты не видел дворовые посадки других людей, мои им и в подметки не годятся.

– У меня тоже есть представление о людях, имеющих дворцы. Но, наверное, не все они превратили свои дворы в цветущие живые ковры.

– Ухаживать за цветами – это мое любимое занятие, – сказал Баймырза. – Для меня это хороший отдых.

– Все же, чувствуется, ты любишь красоту.

– Кто не любит красоту? – с улыбкой глянул он на меня.

Однако я не поддержал его улыбку. И не стал перешучиваться на эту тему. У меня была странная привычка – стоило только заговорить о красоте, как вместо легких слов мне на ум приходили какие-то тяжеловесные, громоздкие фразы. И на этот раз получилось так же.

– Есть любовь, есть и умение быть достойным любви, – сказал я высокопарно, словно намереваясь продемонстрировать свой интеллект.

– Знаешь что, – сразу стал серьезным Баймырза. – Мне становится не по себе, когда вижу, как вянут цветы. Я никогда не вырывал их с корнями и не отрезал в полный стебель.

– Как же тогда? Ты не даришь цветы?..

– Дарю. Однако не разлучаю цветок с землей, на которой он растет, а дарю в горшке с землей.

– Да, душа у тебя, оказывается, нежная. Однако природу не изменить. У года бывают свои сезоны. Растения со временем увядают...

– Действительно, осенью у меня бывает грустное настроение, – сказал он, поняв мой намек и сразу давая на него ответ. – Поэтому, наперекор всему, я дома выращиваю всевозможные виды цветов. Когда осень останавливает жизнь природы, они поднимают мне настроение.

Он повел меня домой, показывая внутренние помещения. На первом этаже мы увидели коридор, холл, столовую, зал, комнаты, предназначенные для гостей, на втором этаже – несколько спальных комнат.

Книжные полки занимали всю стену кабинета, здесь же стоял письменный стол, рабочее кресло, а также несколько стульев. Почти половина книжных полок, сделанных из дорогого дерева, были пустыми, и хотя они были сработаны очень искусно, почему-то казались некрасивыми и оставляли на душе неприятный осадок. Тонкий слой пыли, лежавший на столе, свидетельствовал о том, что в кабинет давно не входили. Было видно, что и письменными принадлежностями не пользовались в этом кабинете. Глядя на книжные полки, было трудно сказать, что кто-то при-

трагивался к нарядным книгам с золотым и серебряным тиснением на обложках. А мягкое кресло, застеленное темно-серой шкурой, казалось, было предназначено не для активной работы, а для блаженного отдыха после сытного обеда с кониной.

Просторный малый зал, который никак нельзя было назвать детской, был битком набит техникой. Здесь стоял огромный плоский телевизор, рядом находились колонки, приставки, всевозможная видеотехника, музыкальный центр, лежали микрофоны для караоке.

Полуподвальное помещение дома было предназначено для спортивных тренировок. Здесь я увидел бассейн, сауну, большой стол для напитков и чая, вдоль стен стояли кресла, обшитые черной кожей. На тумбочке выстроились бутылки и флаконы с кремами и бальзамами для втирания в кожу, здесь еще была комната для отдыха с большим плоским телевизором, который был устроен повыше на стене, бильярдная, залы со спортивными тренажерами, массажная комната.

В комнатах везде были расставлены растения разных сортов в горшках, с цветками и без них. Например, в четырех углах холла красовались акклиматизированные тропические пальмы, с разлапистыми листьями, похожими на подошвы верблюда. На подоконниках в столовой густо и высоко разрослись денежные деревца с множеством стеблей, часто отходящих от ствола: они топорщили свои мясистые лепестки, словно на самом деле притягивая к себе деньги. В зале на подоконниках были установлены в большом количестве маленькие горшки с мелкими красными, белыми, голубыми цветами, издали напоминая орнамент, вселяя в сердце какой-то уют и тепло.

Когда мы вернулись в зал, официантка в форменной одежде ресторана «Таугуль» накрывала стол. Меня сильно удивило, что ради одного гостя был приглашен официант ресторана, заказаны посуда, спиртное и напитки. В эту минуту я вспомнил, что до сих пор не видел жену Баймырзы. Возможно, куда-то уехала отдыхать с детьми. Пока я собирался с мыслями, послышался смех женщины, спускающейся по лестнице. Кстати, Баймырза не стал открывать двери спальных комнат. Конечно, это было правильно – не показывать постороннему человеку женские покои. Тем не менее меня как-то задело, что хозяйка, обычно обретающаяся на кухне, когда приходят гости, только теперь покинула спальную. Однако в наше время разве мало людей, которые доверили все домашние дела прислуге, а сами живут у себя как праздные гости?

Две женщины, вошедшие в зал, сначала поздоровались со мной. Затем невысокого роста девушка в модной желтой кофте и темно-синей шотландской юбке, миниатюрная, хорошо сложенная, с блестящими черными глазами, по-солдатски четко выстукивая каблучками, прошла и села на диван рядом со мной.

Стройная, с худощавым лицом девушка повернулась к дастархану. «Ага, наверное, хозяйка дома – она», – подумал я. Тонкое серое платье, прошитое фиолетовыми строчками, не могло скрыть ни изящной тонкой талии, ни играющих, словно рыбки в воде, двух маленьких грудей. Более того, когда она тянулась к салату или мясному блюду, глубокий вырез на груди обнажал две выпуклости, закрывал и снова открывал. Поскольку без того ее стройная точеная фигура с маленьким острыми грудями притягивала взор, говоря по правде, мне не очень понравилось, что хозяйка дома предстала перед гостем в таком платье.

В это время хозяин пригласил нас к дастархану, и мы расселись по обеим сторонам овального стола. Хозяин посадил меня и девушку с лучистыми глазами

на тор. Перед тем как сесть рядом, соседка повернула ко мне круглое, словно нарисованное личико и, засияв глазами, улыбчиво глянула на меня, и тотчас дрожь пробежала по моей спине, стесняя дыхание, сердце часто забилося. Я пережил такое смятение, ее черные, как смородины, глаза нанесли такой ожог моему сердцу, что, видит бог, я был готов прыгнуть в колодец, если бы он нашелся рядом. Все же разум взял вверх. Понимая, что должен сохранять почтение к этому шаныраку, я отвел взгляд от девушки. Я украдкой взглянул на хозяев дома, дескать, не заметили ли они мое легкомыслие, однако Баймырза был занят своей женой, он подвел ее под руку и посадил выше себя с правой стороны. Как будто восполняя недостаток внимания к женщине, он очень галантно ухаживал за ней, исходя умилением, осыпая ее нежностями вроде: «Лебедушка моя», «Сладкая моя». Такое трогательное проявление любви приходится наблюдать редко, оно бывает, когда супруги встречаются после долгой разлуки, ну, а в обыденной жизни... Погоди, погоди, получается, они не видели друг друга с вечера и за это время так истосковались друг по другу? Что это за пламенная любовь, не остывающая в житейском быту? И я сделал вывод: «Это особенность богатой натуры Баймырзы».

— Оказывается, я не познакомил тебя с девушками, — повернул он голову ко мне.

Худенькую и стройную он назвал Анар, и та кивнула головой. Миниатюрную с точеной фигуркой звали Жанар, и она вновь обдала меня таким чудесным, лучистым взглядом, что я опять почувствовал оторопь. Однако, контролируя свои чувства, на этот раз я справился с собой, и на моем лице вряд ли можно было что-то заметить. Я попытался было затронуть тему о роли женщины в семье, чтобы поведать о цели своего визита, однако сидящие не поддержали меня. Баймырза же сказал, что все дела будут обсуждены после еды, и опять всецело переключился на свою стройную беленькую Анар.

Официант ресторана «Таугуль» налил всем нам яблочный сок и виски. Баймырза поднял тост за здоровье одного из сильных журналистов современности, то бишь меня. Я хотел услужить своей соседке, пытаюсь положить салат в ее тарелку, однако она запротестовала: «Нет, напротив, я должна поухаживать за вами».

— Почему? — спросил я.

— Меня можно считать за своего человека в этом доме. Анар — моя сестра, а Баймырза... — и она тихонечко засмеялась своим мелодичным голоском.

— Понятно, — сказал я. — Баймырза ваш зять?

Она, продолжая смеяться, кивнула головой. Слова Жанар устранили последние сомнения в моей душе. Открыв для себя новую черту характера Баймырзы, я укрепился во мнении о нем, как о хорошем человеке. Насколько он был обходительным с людьми во внешнем мире, настолько же учтив был и в своей семье. Значит, в его предупредительности по отношению к людям, которая казалась нарочитой, в легкости в обращении со словами ничего искусственного не было, такова была его природа. Следовательно, он придерживается принципа: «Уважай себя, как и другого человека, и тогда другой будет уважать тебя». Смотрите-ка, как он проявляет знаки внимания к жене. А жена принимает это как должное и отвечает ему тем же. Такое ощущение, будто сидишь в ресторане, а не дома. Ведут себя, как люди, которые не являются семьей, а собираются ею стать. Чтобы обдумать нужные мысли для своей статьи, я на время приостановил беседу с Жанар. А те двое, видимо, вполне удовлетворенные взаимной лаской, перешли на практические вопросы.

– Это польская мебель, – сказал Баймырза, глянув на меня, – особенно диваны и кресла очень удобные для сидения, очень эффектно выглядят светло-коричневые чехлы, качество очень высокое, в скором времени не износятся. Однако в последнее время они мне почему-то разонравились. Я дал заказ на итальянскую мебель. С нетерпением жду, когда ее привезут, истомился.

– И чем она лучше? – спросил я, подключившись к разговору.

– Она производится не в цехах, а изготавливается на заказ отдельными мастерами.

Далее Баймырза принялся нахваливать итальянскую мебель за ее удобство, прочность, красоту, практичность, и еще очень многое он говорил про ее качества, так что мы слушали его очень внимательно, позабыв обо всем, будто мы оказались в другом мире. Его задумчивый взгляд принялся перемещаться по залу. Он ни разу не посмотрел на жену. И я подумал, что он в воображении уже устанавливает итальянскую мебель.

– Стены комнат, окна будут отделаны под эту мебель, даже шторы будут под нее подобраны, – сказал он, подытожив свою мысль, и прекратил осматривать зал.

– А что ты станешь делать, если появится мебель, по качеству и красоте лучше итальянской? – я и сам не заметил, как спросил об этом.

– Конечно, обставлю дом ею. Душа хочет нового и лучшего, и пока я не достигну своего, не смогу успокоиться.

«Не обновишь ли вместе с мебелью жену?» – едва не вырвалось у меня, но я вовремя придержал свой язык. Поскольку я впервые видел Анар, даже натянутая усмешка была бы лучшим выходом вместо неуместной шутки по ее поводу. Видимо, мой внутренний порыв был достаточно сильным, чтобы дать знать о себе в мимике... Конечно, Баймырза заметил кое-какой намек в моей усмешке. Его улыбающиеся губы дрогнули, затем замерли.

– Давай продолжим разговор на улице, – сказал он. – Дома стало жарко.

Действительно, на улице было хорошо. Прохладный ветерок, тянувшийся от гор, освежил мои легкие. Разноцветные гирлянды, проведенные по ковру газона, протянутые между елями и туями, перемигиваясь огоньками, придавали двору сказочный облик. Лишь издалека доносился приглушенный рокот речки, больше никакой звук не нарушал тишину. Весь мир был объят безмолвием.

– Чудно! – нарушил я молчание.

– Что чудного? – сказал Баймырза. – Узкая щель, больше ничего. Если бы это было побережье моря, берег, на который набегают пенистые волны прибоя...

– Доберешься и до моря, – утешил я его.

– В ближайшем будущем – это да. Думаю, что лучше будет выбрать берег Атлантического океана или Средиземного моря.

И он с охотой поделился планами насчет будущего. У меня, никогда не выезжавшего далеко за пределы Казахстана, не нашлось что-нибудь сказать ему в качестве совета.

И я небрежно заметил:

– Будет правильным, если ты обсудишь этот вопрос с семьей.

Он ухмыльнулся.

– Я холост, – сказал он и устроился на сидении.

Я почувствовал себя так, будто меня обдало потоком ледяной воды. Он, выкатив глаза, внимательно посмотрел на меня и неожиданно рассмеялся. Видимо,

в вечернем свете фонарей у меня был глупый вид: с разинутым ртом, с вытаращенными глазами.

– Я смеюсь над твоим детским неведением, – сказал он. – Или ты никогда не видел холостого парня? Кругом все холостые. Сейчас даже сама эпоха холостая. Это время тех, кто заботится о своей голове, о хлебе насущном. До сих пор ни один человек не спрашивал у меня, мол, почему не женишься. До этих моих сорока лет ни один человек не пристыдил меня в легкомысленном поведении. Слава богу, я – депутат городского маслихата. Теперь прилагаю усилия, чтобы стать депутатом парламента.

– Быть может, тебе еще не встретилась настоящая любовь? – попытался я обнадежить его.

– А что такое любовь? – задал он встречный вопрос.

И хотя я слышал об этом с самого детства, я замялся, услышав прямой вопрос. Замялся, потому что едва не выдал дежурную фразу: «Любовь – вечная влюбленность двоих». Не сказал, потому что его вопрос вызвал во мне сомнения. Действительно, может ли несчастный влюбленный сказать наперед, что его любовь навечно или до первого утра? Поэтому вопрос: «что такое любовь?», наверное, тоже является вечным.

Сидеть молча тоже было неловко, и я подошел к вопросу с другой стороны.

– Все же, как говорится, каждый человек ищет себе пару, чтобы продолжить свой род в потомстве. Особенно наши коренные традиции и религия поощряют и пропагандируют продолжение потомства.

– Не говори мне о традициях дедов! – вскрикнул он и подскочил с места.

В это мгновение пробегающие над нашими головами огоньки ясно показали его раскрасневшееся лицо. Обычно гладко причесанные волосы, лежавшие ровно, тотчас растрепались. Я впервые видел Баймырзу в таком состоянии. Он прошелся несколько раз туда и сюда, вдруг остановился напротив плакучей ивы и уставился на нее. Глаза его, поблескивавшие отражением пробегающих огоньков, теперь подернулись сероватой дымкой. Было ясно, что его зрачки ничего не видели.

Казалось, вся его душа ушла вслед за мыслью в какой-то период прошлого. Передо мной стояло только тело Баймырзы.

И я невольно подумал, что он очень впечатлительный джигит. Смотрите-ка, как он отдается наплыву чувств. Говоря по правде, я нисколько не нуждался в его рассказах о давно прошедшей любви. Мне нужен внутренний мир сегодняшнего бизнесмена. О чем он думает? Как хочет содействовать развитию народа? Все это будет немалым по объему очерком.

Я побоялся задавать ему наводящие вопросы, видя, в каком состоянии он находится, ведь его душа, только начавшая раскрываться, могла опять закрыться. Могу даже спугнуть его ненароком. Говорят: «молчание золото», подожду, каким будет послесловие. Через некоторое время Баймырза пришел в себя, лицо его порозовело, глаза опять обрели блеск, он устроился передо мной и начал рассказывать.

– Ты, наверное, знаешь про общежития Женского педагогического института, которые находятся на перекрестке Сейфуллина и Гоголя? – спросил он, глядя на меня. – Если учился в Алма-Ате, знаешь. Жамал жила там. Я познакомился с ней на новогодней вечеринке института. Среди тысяч девушек она была особенная. Вряд ли нашелся бы такой мастер-художник, который смог бы нарисовать ее портрет. Только мастерство самого творца могло создать такой шедевр. А как шло

ей белое платье из шелка со стоячим воротником, с ушитой тонкой талией, как оно подчеркивало ее стройную точеную фигурку! Жамал среди сотен девушек в зале одна огнем вошла в мою душу. Розовощекое лицо, напоминающее румяное яблоко, лучистые глаза, словно взор ангела, с неотвратимой силой притянули меня. А когда две косы при ее движениях начинали играть на ее гибкой талии, вся моя душа приходила в трепет. Однако это скорее говорило не о лукавстве искушенной баловницы, а скорее о благородстве девушки хорошего происхождения.

И вот самое интересное... Когда, уставившись во все глаза, я рассматривал прелести девушки, я почувствовал аромат особого песчаного кустарника – бадала. В мае или июне, набравшем полную силу весны, распускаются миллионы соцветий, устилая пышными купами песчаные склоны, и такие высокие и густые травы, разливами покрывающие землю, как дузген, коянсуйек, актаспа, начинают излучать сильнейший аромат. Это запах запомнился мне, возможно, еще с далеких лет моего детства, когда я день-деньской проводил в цветущей пустыне, играясь, словно вольный жеребенок, пробираясь через эти чащи, часто сдвигал цветущие пряные стебли, которые колыхались на ветру, чтобы они цеплялись друг за друга, превращаясь в подобие косичек. Да, такую гибкую, словно ива, девушку трудно найти, разве что в далеких аулах где-то в пустыне.

А когда я пригласил ее на танец, я почувствовал нежный аромат алатауского яблока, я вдыхал и выдыхал этот запах, пока он не переполнил меня. Наверное, я так воспринял аромат духов, которыми надушилась девушка. И она очень красиво двигалась в такт модных тогда быстрых танцев. А как она танцевала вальс! Порхала, словно птица! Было видно, что она, как и я, посещала где-то уроки танца.

Да, не каждый джигит осмелится быть партнером такой танцовщицы. Со временем из парней остались мы с одним смуглым парнем по имени Канат. И я стал отираться рядом с девушкой, чтобы потеснить этого парня. Видимо, он тоже принял точно такое же решение, бросив мне вызов. В такой ситуации девушка, промолвив нам: «Простите!» – скрывалась в гуще толпы. И как только снова начинала греметь музыка, мы кидались в огромную толпу, отодвигая танцующих, чтобы среди множества найти девушку в белом платье. И тогда кто из нас первым оказывался рядом с ней, тот и был счастлив. Вот так, карауля друг друга, мы со смуглым Канатом поневоле оказались связаны одной ниточкой. Мы вдвоем проводили девушку в общежитие, которое было рядом. Наверное, Жамал, которая очень тепло отнеслась к нам, мы показались друзьями. Мы же, как только девушка скрылась за дверями, постарались показать друг другу, где раки зимуют. За кинотеатром «Казахстан», куда люди не заглядывали, был глухой уголок, там, пользуясь темнотой, мы засучили рукава и кинулись в драку. Мы дрались от души. В конце концов, поскольку не было никого, кто мог бы разнять нас, а также никто не хотел уступать первым, мы дошли до полного изнурения. А впоследствии, столкнувшись возле общежития, мы шли в тот угол, и опять начиналась драка. Тем не менее бог оказался на моей стороне, девушка стала симпатизировать мне. Мы с Жамал совершили множество упоительных прогулок по красивым улицам Алма-Аты. Эх, где они теперь, эти алма-атинские вечера!..

Обводя окрестности затуманившимся взглядом, Баймырза остановился на мне. Он оборвал речь. Что мог сказать я о его любовном приключении, случившемся столько лет назад? Это все, видимо, было красноречиво написано на моем лице. Тем не менее, я сочувственно кивнул головой, мол, продолжай.

– Скажу о главном, – начал он. – Я поехал в аул, чтобы договориться с родственниками о дне знакомства с невестой. Когда вернулся обратно, я ее не нашел. Канат, оказывается, украл ее. Я едва не сошел с ума, когда узнал об этом. Я собрал друзей, и мы решили погнаться за ними до самой Кызыл-Орды. Однако один знакомый джигит из ее аула предупредил меня, что из этого ничего не выйдет. Канат выставил на единственной дороге, ведущей в аул, охрану из своих людей с наказом, если мы появимся, хорошенько проучить нас. К тому же он успел отправить ритуальные подарки родителям девушки и получил от них благословение.

Я сидел в нетерпении, ожидая, когда рассказ подойдет к концу, тем не менее развязка истории сильно заинтересовала меня:

– Обычно родители не принимают никаких подарков, пока не узнают, была ли согласна дочь. Вся загвоздка в Жамал, конечно, в Жамал.

– Конечно, речь идет о Жамал, – сказал он, в его дрогнувшем голосе почувствовалась горечь несколько не угасшей тоски по девушке. – Все произошло всего за одну неделю, пока я был в ауле.

Сказав это, он снова замолчал. Поскольку он дал почувствовать, что хочет еще что-то сказать, я не произнес ни слова, а просто выжидал. Неожиданно кровь прихлынула к его доселе бледному лицу, и он громко расхохотался. И я не почувствовал вызова в этом странном смехе человека, настроение которого неожиданно переменялось на сто восемьдесят градусов, а ведь еще минуту назад его душа была объята огнем горечи. Смеясь, он время от времени с сарказмом повторял одни и те же слова: «Ай, Мастура! Ай, Мастура!»

– В ауле была одна молодка по имени Мастура, – сказал он, закончив смеяться, но сохраняя игривую интонацию. – Она сочла нужным выполнить передо мной долг женгей, предостерегая о самом важном: «Даст бог, ты придешь к ней ночью... Смотри, не опозорься, не зная, как надо сдвинуть занавеску невесты». Однажды, приехав в аул, я рассказал ей о своих планах насчет женитьбы на Жамал. И тогда она сказала: «Щедрый джигит (имя, которое она мне дала), будьте осторожнее, не введите в краску своих женгей, которые будут стелить вам постель. Когда они приберут постель, они все поведают людям». Так она напугала меня. Действительно, в нашем ауле в далеких песках сохранился обычай проверять честь невесты, взятой у хороших родителей, по первой постели новобрачных. Мастура так прожужжала мне уши про этот обычай старины, что я дал себе слово не сближаться с Жамал до самой свадьбы. До окончания учебы не было никакой возможности устроить свадьбу. Поэтому мы с Жамал два года обходились только поцелуями да объятиями. Я же все же мужчина, и если иногда мне становилось очень трудно, я уезжал в аул, чтобы встретиться с Мастурой-женгей и получить от нее подробные инструкции, как надо отодвигать занавеску невесты. Жамал же девушка, должная блюсти приличия, ей нужно было дотерпеть до конца. Все произошло не так. Когда меня не было, Канат вскружил ей голову словами отчаяния, такими, которые произносят, например, перед смертью, и пригласил на свою вечеринку. Поскольку джигит, собирающийся на родину, умолял ее, мол, это моя последняя просьба, Жамал не отказала ему. Как бы то ни было, от природы доверчивая девушка не ведала, что это «хитрость скрадывающего врага», что в напиток, который он преподнес ей, было добавлено возбуждающее средство. Все, что было дальше, понятно и так. Одна простая таблетка нашей цивилизации отравила к чертям собачьим дедовские обычаи. А аульная девушка – добыча того,

кто нарушит ее девственность. Сейчас у нее с Канатом семь детей – сыновей и дочерей. Я же, напрасно взбудоражив аул, что собираюсь привезти невесту, не зная, с каким лицом показаться перед родичами, больше туда не возвращался. Однако в городе мне повезло, я стал не последним человеком. В республике начался процесс приватизации, который возглавил мой родной дядя. Он начал оформлять на мое имя построенные еще в советское время огромные магазины, столовые, рестораны, даже гостиницы.

Так я в одночасье, словно по щучьему велению, стал обладателем огромного богатства. Нет сомнения, что в душе каждого человека с детских лет таится желание стать богатым человеком. И мое это невинное желание вдруг обернулось в этакого монстра с ненасытными глазами, захватило всю мою душу, и рядом с блаженным ощущением богатого человека печаль по поводу потери невесты стала чем-то совершенно несущественным. Разве проблема для богатого джигита – найти себе невесту, боже ты мой, словно щелкая по арбузу, спелый он или не спелый, выберу себе самую лучшую. Сначала я должен получить максимум из всех удовольствий мира, – вот такие мысли прочно укоренились в моей душе. И с этим каким-то мстительным ощущением я с головой погрузился в удовольствия, из которых не выбрался до сих пор. В эти дни я другой жизни себе не представляю, более того, считаю позорным для джигита всю жизнь влачить существование только с одной женщиной. Какая бы привлекательная девушка ни встретилась, через пару недель она мне надоедает, и душа начинает требовать новенького.

– Эти девушки – не ночные бабочки, – сказал Баймырза, показав на Анар и Жанар.

Девушки, вышедшие во двор вслед за нами, до последней минуты с удовольствием плескались в бассейне. Теперь они вышли из воды и в радужном свете китайских ламп танцующей походкой шли в своих узких купальниках по дорожке между пестрыми коврами цветников.

– У них есть своя постоянная работа, и семью тоже не прочь создать, – помолчав, продолжил хозяин дома. – Однако они отнюдь не против подзаработать деньги, если подвернется удобный случай. Так они обманывают сами себя, потакая своему желанию сыграть в роль женщины, имеющей супруга. Вот так, брат, – с этими словами, обозначив конец разговора, Баймырза встал и направился к дому.

И я побрел за ним, теша себя надеждой, что дома за беседой я получу ответ на все заготовленные вопросы. Однако Баймырза после этого ни разу не повернулся ко мне, он сразу поднялся на второй этаж и скрылся в спальней. Я, не зная, что мне делать дальше, остался в растерянности в холле. Говоря по правде, это было неожиданно со стороны Баймырзы. К тому же я приехал к нему по специальному поручению редакции. К такому человеку можно было проявить уважение. А он... Да ну этих богачей! Сам черт не разберется с их характером! Пропущу-ка я хорошую порцию виски, а потом посмотрим, что будет. Войдя в зал с этим намерением, я увидел Жанар, чьи лучистые глаза вызывали у меня оторопь. Она сидела одна.

Через два-три часа я вышел, посвистывая, из этого богатого дома, и внутри, и снаружи украшенного цветами... Применив все свои знания, написал и статью про Баймырзу. Назвал ее громко – «Опора будущего».

ПЕСТРАЯ КОРОВА

«Уж не задумали ли, в самом деле, дружки мои – «пособники» – провести зиму без мяса?» – размышлял Жетен, закинув руки за голову. Вот уже который час лежнем лежал он на торе своего дома. «Япырау, уже середина декабря. Пора бы одному из них приступить к делу!»

«Пособник» – название оседлого хозяйства, в которое некогда дружно объединились люди одного рода со своими домочадцами и скотом. С тех пор коллективное хозяйство значительно разрослось, и название несколько раз менялось. Однако, неизвестно почему, до сих пор сородичи называли себя «пособниками». Называли бы, на худой конец, помощниками.

В свое время эти «пособники», не удовлетворяясь одной жирной кобылой, забивали еще с десятков упитанных валухов, вялили, коптили пару для себя, а остальных с выгодой продавали на базаре, чтобы в кармане были денешки. Эх, оказывается, это было благословенное время, когда по губам текло белое масло.

В те времена Жетен, уже с утра утомленный жаждой, успевал с Сайлакуль вместе опустошить целый самовар чая. Ну как Жетену не испытывать жажду, если вчерашний обед сытно проводил у одного соседа, а на ужин вдоволь угощался согымом у другого? После того как желудок был основательно промыт чаем, какое бы дело ни предстояло, Жетен направлял коня прямехонько к дому верблюжатника Абу, до сих пор жившего на базе бывшего хозяйства.

Эх, что за блаженство чувствовать, как густой белый шубат, основательно взбитый рукой умелой хозяйки дома Абу – Саракуль, до краев налитый в большое кесе, плывет по воспаленной глотке, смягчая ее и разливая по нутру медовую сладость! А когда отправишь куда следует три или четыре кесе шубата, тело начинает нежить приятное расслабление, а сознание растворяется в истоме.

А сегодня от того, что в желудке пусто, в животе как-то подсасывает, жжет. Поскольку у него нет коня, нет даже подходящего трехлетка – кунана, чтобы взнудать его, он не может добраться до базы прежнего хозяйства. Добрался бы, но идти пешком до казаха, обитателя дальних песков, равносильно самоубийству.

А что, если прицепиться оводом к Сайлакуль, пусть как хочет, но достает мясо? Взяв с собой ленивца Берикбола и болтуна Сагына, вдыхая запах разваривающегося мяса, развалиться себе на корпешках и пораскинуть в картишки? Осталось ли мясо у него самого? Что-то давно уже Сайлакуль не добавляла мясо к той или иной похлебке. Какое-то время она обманывала семью супом на хлопковом масле да парой сваренных вкрутую яиц, но в последние дни и этого уже не видно. И на утро, и на обед, и вечером один чай. Как желудку не саднить, если на столе кроме лепешки и кусочков сахара больше ничего нет?

«Не может быть, чтобы Сайлакуль не припрятала мясо хотя бы на одно варево. Народ жив и здоров, на дворе мир и покой, какой казах допустит, чтобы в такое время у него кебеже остались пустыми? И можно ли считать бабой ту, которая довела дела до того, что сундуки рассыхаются от пустоты? Да такую бабу нужно прогнать обратно к своим родичам».

Вспомнив про мужские права и принципы, завещанные предками, Жетен вскочил с места, забежал по комнате. Будучи вне себя от гнева, он не замечал, что пришел в неистовство. Выставив плечи, возбужденно размахивая руками, он сыпал отборными словечками, наподобие тех образных выражений, которые собирал

в народе фольклорист Акселеу. Если бы сейчас в комнате оказалась Сайлакуль, то, с его точки зрения, виновная во всех бедах, она, несомненно, получила бы пару-другую увесистых пощечин.

В самом деле, если не баба виновата во всем, то кто же еще? Ведь сын, рожденный ею, довел семью до такой нужды. Сама воспитала его таким. Пусть женщина днем на работе, но ведь вечером приходит домой, затапливает очаг и заводит обычный ход вещей. А мужчины аула с началом сезонных работ, как правило, неделями пропадают где-нибудь в лощинах у холмов или обретаются в степи на джайляу, выпасая скот на далеких отгонах.

Жетен в молодости тоже отдал дань всяким увлечениям. Играя на домбре, исполняя песни, вместе с другими артистами он объезжал джайляу и зимовки, удовлетворяя культурные запросы чабанов. Что в это время делала Сайлакуль? Почему не занималась детьми? Почему не учила их уму-разуму? Жетен и не думал, что сын у него такой заядлый драчун. И это потому, что у него самого такой привычки нет. Если выпьет немного, раскраснеется, начинает сыпать шутками-прибаутками, сидит себе праздный, довольно посмеиваясь. Надо признаться, водится за ним в такие минуты замашка невольно посматривать на смазливых девушек и молодок. Сам не замечает, как у него получается так. Но он ведь мужчина.

Если верить людям, его сын Медет, изрядно приняв на грудь, с группой парней напал на прохожего и отдубасил его. Поскольку не кто-нибудь, а именно Медет едва не отправил несчастного на тот свет, полицейские отпустили остальных парней, а его заперли в камере, якобы Медет намеревался ограбить бедолагу.

В роду Жетена никогда не было таких безжалостных людей. Конечно, это зло пришло со стороны жены. Прежде чем воспитывать детей, надо было учить уму-разуму женщину. Покойный Келден-ата в свое время перед тем, как отправиться погостить к родичам, вызывал к себе жену, мол, баба, где ты? Наша апа, дескать, зачем позвали, отагасы, с совершенно невинным видом, но все же накинув на себя шубу, с лентой выходила к нему.

Келден-ата моментально свирепел:

– Отчего не знаешь, почему я позвал, отродье! – с этими словами он начинал хлобыстать ее камчой.

Однако просечет ли камча толстую шубу? Келден-ата, кружа на коне вокруг дома, гонялся за женой, хлестал и хлестал ее. Однако, поскольку толком ничего не выходило – удары камчи погасали на шубе, был слышен только глухой стук, будто прутьями били по пуху, – дед ярился пуще прежнего. А когда жена, сделав вид, что споткнулась, падала, он удалялся по своим делам, выкрикнув: «Это тебе наказание на это лето!» И когда муж скрывался из виду, Сабыркуль-апа собирала золовок, чаевничала вместе с ними, потягивая чай из пиалы, усмехалась с довольным видом: «Ух-х, сколько дней донимала ломота в костях, а сегодня, кажется, будто заново на свет родилась».

Вспомнив про эти проделки Келден-ата, желая проучить Сайлакуль, Жетен с грозным видом устремился к двери. Однако на улице он сразу же поостыл, почувствовав себя так, словно его окатили ушатом холодной воды. Сайлакуль, деловито суется к краю двора, была занята новым делом. Дети помогали ей.

Со стороны, выходящей на улицу, двор их был широко открыт взору, – забора не было, вместо него была протянута в несколько жилок проволока. Такая картина, за исключением одного или двух, была характерна для большинства дворов. В этом

ауле люди не любили огораживаться сплошным забором. Что поделаешь, им нравилось, когда жизнь аула проходила на глазах у всех. Эх, сравнится ли что-нибудь с тем блаженным ощущением: ты полеживаешь себе в тени во дворе под навесом, а кто-то проходит или проезжает мимо на коне, и ты, восторженувшись, кричишь, манишь, подзываешь его к себе, а потом, потягивая чай из пиалы, неторопливо обсуждаешь с ним аульные дела! Это ведь было одним из любимых занятий жителей далекого аула в песках, находившегося на отшибе от большого мира.

Сайлакуль с головой была погружена в какое-то дело, возясь на краю двора, рядом с ней трудились сын-школьник и две дочери. Увидев столь энергичную деятельность своей семьи, занятой, видимо, серьезным делом, Жетен сначала как-то оробел, а потом, удивленный, задумался: «Что это они делают на улице? Или хотят заткнуть единственную прореху, откуда проветривается наш двор?» Эти мысли, конечно, давали знать о мужском честолюбии, которое подталкивало не одобрять слишком самостоятельную инициативу женщины. Ведь, на самом деле, с какой бы стороны ни подойти к этому вопросу, аул, расположенный в пустынной степи, не испытывал никакого желания хотя бы сколько-нибудь ограничить доступ свежего воздуха. Остановится ли ветер там, где ничто не задерживает взор человека? В этих местах, если не считать нескольких знойных июльских дней, каждую неделю, как по расписанию, вольно бушует по божьей милости пыльная буря, со свистом и воем метя песок.

Тем не менее мнится Жетену: произойди что-нибудь необычное, например, весь аул огородился высокими заборами, – ему и в самом деле не будет хватать воздуха для дыхания.

Сайлакуль с сыном по-прежнему яростно долбили яму для столба, а дочери перевязывали шпагатами пучки камыша, который был сложен под навесом, чтобы потом, измельченный в труху, он пошел на корм для пестрой коровы. «Эй, что вы делаете? Эй!» – так и вертелся на языке вопрос, однако Жетен произнес его лишь в уме. Сейчас он был не в состоянии продемонстрировать свою власть непокорной семье, как мог сделать это некогда, когда пас баранов. Молодые годы Жетена прошли в утехе и гульбе. Как бы то ни было, нужно было трудиться, зарабатывать на жизнь. По обстоятельствам того времени вызвавшийся пасти племенных баранов он, чуть что прибегавший к помощи «пособников», при выке довольно-таки прохладно относился к домашнему хозяйству. С тех самых пор как был распущен колхоз, он не испытывал никакого желания проявлять инициативу, не поддерживал и начинания жены, которая предлагала затеять то одно, то другое. Подобно пестрой корове, которая все время тянула голову к густой соседской кукурузной делянке, его неудержимо влекло и манило куда-то подальше, прочь от дома на улицу. А когда Сайлакуль допекала его, мол, тебе никто не подаст с неба готовенькую долю, он обычно хмуро отмалчивался и, улучив момент, убирался себе восвояси. А ведь он на самом деле втайне ожидал какой-то помощи свыше. Но Сайлакуль, махнув на него рукой, несколько не надеясь на мифическую помощь, решительно затеяла какое-то дело. И сегодня она повела себя в обычной своей манере. Жетен, намеревавшийся проучить ее по мужскому примеру Келден-ата, увидев, в каком настроении находится Сайлакуль, вмиг отказался от своей мысли. И неудивительно! Уж слишком суровый вид был у хмурой Сайлакуль. Взмахивая изо всей силы, она с отяжкой ударяла ломом по земле. И ему показалось: попробуй-ка он, слоняющийся без дела, что-нибудь

сказать ей, настроенной решительно и безоговорочно, как без того ядовитая на язык дочерна смуглая баба ринется на него с ломом наперевес. И тогда держись! Выходит, было бы пределом глупости бросаться грудью на амбразуру, чтобы закрыть ее своим телом. Намного умней умело уклониться от схватки, и он принял решение: «Ладно, погодим, будет и на нашей улице праздник».

Захваченные жаром работы домашние все еще не замечали его. Если бы заметили, возможно, Сайлакуль первая бросилась бы в атаку. А если ей удастся всучить ему в руки черный лом, тогда считай – все пропало. Если это произойдет на глазах дочерей, делать нечего, – ему придется подчиниться бабе, то есть послушно ковыряться в земле. И тогда придется махнуть рукой на пустой щемящий желудок, сетующий по поводу черного чая с куском лепешки. А ведь вид улицы, напротив, соблазняет, манит, обещает что-то такое, интересное, захватывающее, что непременно превратит гнетущее беспокойство в безмятежную радость, удовольствие, – надо только незаметно выскользнуть со двора. Да, да, он готов улизнуть от посягательств своих занятых домочадцев. «Пусть семья копошится себе во дворе, а дело мужчины – на улице».

Растерявшийся было при виде бурной деятельности семьи, Жетен теперь пришел в себя и вполне оценил эту спасительную мысль. Поэтому он, не столько не осмеливаясь спросить: «Эй, что вы делаете?», сколько боясь, что они, увидев его, тотчас окликнут, позовут к себе, мол: «Что ты стоишь, держи лом!», стараясь выглядеть как человек, идущий себе по нужде, бочком-бочком двинулся в сторону огорода. «Если все же увидят, то пусть издалека, когда он будет уже за забором. У Сайлакуль ведь тоже есть голова на плечах, не станет истошно орать вслед мужчине». Тем не менее, томимый страхом, Жетен с трудом преодолел десять шагов до калитки огорода. А когда вошел в огород, то облегченно вздохнул и расправил грудь, стесненную страхом минуту назад, и вздохнул уже бодрее. И стоило произойти этому, как, не дойдя еще до нужного места, он справил малую надобность и уверенно огляделся по сторонам. В это время года огород представлял собой оголенные деревья и черную землю, схваченную стужей. После осенней уборки овощей несколько овец, коз и пестрая корова, выпущенные в огород, превратили почву в плотно истоптанную площадку, на которой там и сям одиноко торчали жалкие стебли люцерны. Жетен по давней привычке аульных людей посмотрел на небо. Синее небо постепенно подергивалось серой дымкой. «Погода портится», – машинально подумал он, и эта мысль особенно не затронула душу. По той причине, что в эти дни Жетену было все равно, какая будет погода. У него не было крупного скота, пасшегося на холмах, поэтому не было повода тревожиться из-за непослушной погоды. Небольшое стадо, принадлежавшее жителям аула, как только вечерело, сразу же возвращалось на надворья. Взгляд Жетена остановился на сарае для пестрой коровы. В тот день, когда ее увозили на базар, водитель, разворачивая машину в заднем дворе, ненароком задел кузовом угол сарая. И теперь этот угол уныло глядел на мир темной прорехой. В желудке Жетена, саднящем с утра, до сих пор пусто. И увядающая душа Жетена имеет такой же тоскливый облик, как эта унылая прореха.

Пестрая корова была продана для того, чтобы выволить Медета из рук городской полиции и пристроить его обратно на учебу. Туда же ушла иссиня-черная кобылица-двухлетка, единственная лошадка Жетена. Если бы дело было в старые

времена, можно было обойтись одной пестрой коровой и парой телят. Но ведь скот аульного трудяги сейчас обесценился. А ведь думал: «Если в этом году не получится с согымом, по крайней мере, куплю половину туши у того, кто забьет скот на согым, тем самым как-нибудь перебыюсь зимой», – однако проступок непутевого сына разнес его планы в пух и прах. «Завелась у него привычка: стоит только немного выпить – и лезет в драку. Мы же все выпиваем понемногу. Однако же никого не хватаем за ворот. Братья Сайлакуль все такие забияки. И этот мерзавец плоть от плоти весь в них...» Хорошо, что удалось восстановить его на учебе. И Жетен представил то благословенное время, когда сын закончит учебу и станет прокурором. Да, нужно потерпеть немного, и его Медет станет прокурором. Весь район будет у него на побегушках. То-то потечет белое масло по губам родителей!

Стоило подумать о белом масле, как опять заныло под желудком. Эх, заполнить бы рот порядочным куском мяса, да давить зубами, жевать и жевать, чувствуя, как аромат растекается по гортани! Ну-ка, стой! Иди на улицу, ищи, – пока есть аул, голодным не останешься. Возможно, кто-то уже забивает скот на согым. Если так, то тогда считай, бог послал тебе вкуснятину – куырдак.

После покоса люцерны на участке обычно успевала к осени подняться ровной порослью, и чтобы кое-какой скот подкормился ею, Жетен выпускал его попасться во дворе. Как-то раз пестрая корова, найдя прореху в изгороди из ченгеля, сумела пробраться в огород соседа. Жетен воспользовался тропой пестрой коровы и проскользнул во двор соседа. А там до улицы рукой было подать!

Как только его подошвы ощутили гравий соседней улицы, Жетен не только свободней вздохнул, он почувствовал себя намного бодрей и расправил плечи. В поисках, с кем бы перекинуться парой-другой словечек, он огляделся по сторонам. Но никого не увидел. «Что приключилось с друзьями?» И тогда он вспомнил. Те «пособники», кто пошустрее, заняты своим делом. А те немногие, кто дневные заботы переложил на шею домочадцев, слоняются сейчас перед зданием бывшего правления распущенного колхоза. Ведь они не почувствуют себя в своей тарелке, если по старой привычке советских времен не пройдутся туда и сюда перед зданием правления, словно в ожидании указующего перста. И хотя на дверях у всех на виду висел огромный черный замок, они, словно привязанные невидимой веревкой, шатались туда и сюда, мололи всякий вздор, переливая из пустого в порожнее. Обсуждалось буквально все: кто к кому приехал, откуда приехал, с какой целью, кто вышел в дорогу, куда отправился, с какой целью, у кого отелилась корова, окотилась овечка, опросталась верблюдица, кто готовится к такому-то тою. Обсудив до мелочей все, что происходило в ауле, постепенно переходили на новости уровня района, области, республики. При этом особое внимание уделялось крупным и незначительным кадровым перестановкам и назначениям. После этого переходили к международным новостям. Пока обсуждали международное положение, наступало время обеда.

Полдень – время, которое быстро отбивает у них желание говорить о международных делах или бесполезных для них кадровых назначениях, оно заставляет их думать только об одном: где бы пообедать? Однако никто не спешил к себе домой. Сначала один делал таинственный вид и сообщал про своего товарища нечто сокровенное, мол, у него предки были знатными, родовитыми, потом

другой поведывал про него откровение, что его прашуры были господами, а третий божился, что у четвертого жена щедрая, хлебосольная, бережливая. И если наблюдатель на минуту отрешился бы от этих восхвалений и критически взглянул бы на этих «пособников», водящих друг друга за нос, то ему нетрудно было бы догадаться, что послы древних времен были просто хитрецами. После безуспешных попыток искушенных мужей раскрутить кого-либо в своих рядах, взоры кучки обычно обращались к дому, где случилась какая-то новость. Родили ли келин долгожданного первенца, окотилась ли овечка двойней, – им было все равно. В этом доме, оказывается, радость, а радость нужно разделить с людьми – это же древняя традиция! По этой традиции счастливый дом должен изо всех сил угождать пришедшим с поздравлениями и угощать их. Что ж, во время со-гыма не бывает такого дома, где не варилось бы мясо. Поэтому без всяких слов хозяева сразу закладывали мясо в котел. Из заветных кебеже вытаскивали курт, масло, а также джент, приготовленный из толченого проса.

Хотя некоторые из стариков недолюбливали это правило, но, сколько Жетен помнит себя, в любом казахском доме на дастархан выставлялась бутылка вина или водки – украшение стола. Если водка или вино не выставляются, каким бы дастархан богатым ни был, угощением он не считается. Необходимо не только выставить спиртное, но и налить нужно. Не только налить нужно, требуется от всей души упросить, чтобы выпили. Если хозяин обойдется двумя или тремя фразами, дескать, просим поднести ко рту рюмку, это будет сочтено за формальную вежливость. Поэтому хозяин дома должен не раз подойти к гостю, вновь и вновь чокнуться, опять и опять повторить: «Просим выпить!» – и даже поднести стакан к самому рту гостя. Только тогда гость почувствует, что за ним ухаживают по-настоящему, от всего сердца и души. И тогда гость, разведя руками, мол, что делать, человек настаивает, не станем обижать его, моя печень не дороже настроения хозяина, крикнув от души, подносит стакан к губам и принимает на душу положенную порцию горячительного. И тогда на гостей нисходило вдохновение, они начинали петь и пить, оживление царило до самого вечера, то есть возвращения скота в аул. Однако стоило только услышать издали призывные крики аульных женщин, ищущих на окраине своих буренок, как люди разом прекращали застолье. Они вскакивали с мест, хватали свои шапки и спешили к себе домой, чтобы встретить у двора свой скот. У некоторых похмелье скоро проходило, а другие – лишь бы ноги держали, с туманом в голове, все равно, как всегда, как обычно ухаживали за скотиной.

Жетен, оказавшись на другой улице, не захотел идти по затейливым тропам, выбитым соседскими коровьими копытами, а решил вернуться в центр аула, пройдя по окраине. У него на уме была мысль – посетить на всякий случай кафе Асемкуль, которое находилось на въезде со стороны города на центральную улицу, ту самую, на которой стоял и его собственный дом. Муж Асемкуль приходился Жетену близким родственником, он погиб лет десять назад в автомобильной катастрофе. Пока народ думал и гадал, дескать, ойпырмай, что надумает молоденькая вдова, какой покажет характер, молодка продемонстрировала такое, что отродясь не водилось в хозяйстве «Пособник». Ей пришлось в голову возить на автобусе в город кумыс и продавать его там, кумыс, который она получала из молока единственной кобылы. Пока муж был живой, гуляки

хозяйства «Пособник» не вылезали из ее дома. Даже руководители овцеводческой фермы не приступали к обычной работе, не испробовав кумыс из этого дома. Вот так хмельной желтый кумыс, который привлекал в этот дом столько людей, к огорчению местных гуляк к моменту, когда они начинали испытывать жажду, оказывался на городском базаре.

Если не принимать в счет горожан и жителей полустанка, степные аульные люди никогда не выставляли на продажу домашний продукт. А жители этого аула в далеких песках абсолютно не сомневались, что чай из любого самовара этого аула или мясо из любого котла – это их собственность. Любой человек со словами «ассаламалейкум» мог перешагнуть любой порог в этом ауле, насытиться тем, что было на столе, и спокойно идти по своим делам. Хозяин дома был только рад, он любезно провожал гостя, настойчиво напутствуя, чтобы тот приходил еще и еще, не забывая про свою долю – сыбага в продуктах этого дома. Сколько человек жило в этом ауле, столько и сыбага было в каждом доме. Хозяин того или иного дома с течением времени обычно начинал беспокоиться, мол, такой-то обходит мой дом стороной и пренебрегает своим сыбага, он шел к нему и очень вежливо зазывал в гости и только тогда успокаивался, когда тот человек уходил, насытившись своей долей.

В этом ауле нынче впервые открылось кафе с названием «Асем и плиз». Слово «Асем» писалось по-казахски, «плиз» – по-английски. Болтун Сагын, рассмешив весь народ, по-своему перевел это название, предложив такое прочтение: «Вам Асем? Пожалуйста!» Это словесный кавардак должен был продемонстрировать уважение к знанию трех языков. Основное население этих мест издавна – казахи, из русских людей в песках в погоне за дичью появлялись изредка лишь охотники, они и в советское время не жаловали здешние места. Однако русский язык не потерял здесь своего авторитета, поскольку был официальным языком республики. Хотя американцев здесь, в ауле, отродясь никто не видел, их зелененький доллар пользовался большим авторитетом, а то и любовью. Поэтому кафе «Асем и плиз» нужно было воспринимать как символ новой городской цивилизации, бросающей ответ культуры на здешние места.

Молодая вдова, торгуя кумысом, видимо, скоро набрала силу, этот дом, построенный перед самым роспуском колхоза, стоявший пустой, никому не нужный, она прибрала к рукам, наскоро отремонтировала прошлой весной, наведя лоск и блеск. Поскольку столица республики оказалась на севере, а в самом центре Моюнкумов начал добываться газ, в эти дни резко возросло количество машин, проезжающих мимо аула «Пособник». Наспех была залатана пришедшая в негодность асфальтовая дорога, некогда построенная для скотоводов. И теперь днем и ночью, туда и сюда, с севера на юг и с юга на север проносились всевозможные машины. Первой осознала возможную пользу от этого для аула в песках молодка, торговавшая кумысом. Поняла это и сразу, засучив рукава, взялась за дело. Презрительно морщившие носы гуляки аула «Пособник» – мол, какая польза в дикой степи от этого, – мало-помалу тоже стали собираться возле кафе. А непоседливая аульная молодежь завела обычай проводить вечеринки, праздничные мероприятия и дни рождения в этом кафе. Подобно корове, которая, как бы ни была сыта, не могла пройти мимо лужицы, чтобы не обнюхать ее, Жетен тоже счел необходимым регулярно наведываться в заведение Асемкуль.

В кафе он увидел двух или трех обедавших водителей проезжих КамАЗов. Когда Жетен увидел в буфете ряды бутылок с напитками, он вздрогнул, словно от озноба, а в горле запершило. Он сглотнул слюнки. Покопался туда и сюда, однако никого из дружков рядом не увидел. Сам же прекрасно знал, что в карманах у него ни копыя. А молодка-келин, словно зная, что у него в карманах ни копыя нет, с холодным видом прошла мимо, лишь шевельнув губами на его приветствие. Она словно и не заметила невольную попытку деверя что-то сказать.

О, времена! В прежние годы, когда пас племенных баранов, порой приходилось навещать аул с какой-то целью, и тогда эта самая Асемкуль встречала его еще на улице, низко кланялась, совершая салем, звала на чай. Вот так, обхаживая его, она поручила ему свою немногочисленную живность, несколько овечек и телят. Жетен же был не в силах отказать красивой, щедрой, очень приветливой и обходительной невестке. В те времена в колхозе скотник-чабан был одним из самых почетных и видных людей в ауле. Колхоз первым обеспечивал сеном чабана, нагромождая целую гору на отгоне возле его кошары. Мало того, овощи, яйца ящиками стояли в кладовке. И баранам-производителям хватало, и семье Жетена тоже перепадало. И этого гладкого, упитанного Жетена, неплохо кормящегося от баранов, невестка сама порой ссаживала с коня, чтобы угостить чаем со сливками. И эта самая келин, ранее спешившая напоить и накормить его, едва только он проявлял признаки жажды, теперь не только не хочет угостить вином озябшего деверя, но даже головы повернуть не желает в его сторону. Напомаженная смуглянка кокетливо прохаживается – то туда проплывет, то обратно. Хотя ей перевалило за сорок хороша еще, пригожа чертовка! То ли сила колдовская у денег такая, и настроение человеку придают, и привлекательность, хотя и бед приносят немало, – в этом ауле белая и пухлая одна только Асемкуль. И вот Жетен, который некогда горделиво спешивался возле дома невестки, гоголем прохаживался туда и сюда, сейчас пень пнем стоит в углу ее заведения, не решаясь произнести то, что, как всегда, было на уме. А на уме-то у него совсем не то, что могло бы смутить человека, а стакан водки. А эта напомаженная смуглянка, столько раз угощавшая его в былые годы, похоже, не поднесет не то что стакан водки, но и простой воды.

Тем не менее, не решаясь уйти несолоно хлебавши, он сказал:

– Асем, мне бы сигаретку. Ну, а заодно плеснула бы сто граммов, все равно запишешь на мой счет.

Словно облако ароматов, проплывшая рядом молодка и не кивнула, мол, да, и не покачала головой, дескать, нет. Не зная, приняла ли к сведению невестка его просьбу или нет, несчастный деверь поник с самым жалким видом, словно брошенная глиняная развалюха без фундамента. Все-таки решил стоять, пока она не вернется от буфета. Она вернулась с пачкой «Казахстанских» в руках.

– Я не Орынтай, который готов работать в долг. Вот это даю, не в силах отказать вам. Орынтай приедет сегодня вечером, – сказала она с нажимом в голосе.

Орынтай – это ее единственный сын, который занимался бизнесом в городе. Раз в месяц он навещал аул, чтобы собрать долги с дружков. Одно было хорошо в его характере – с тех, у кого денег не было, он брал долги скотом, шерстью, даже куртом и маслом. Поэтому дружки Жетена – мастера ставить прозвища, в шутку звали Орынтая не бизнесменом, а по-русски – утиль-сырьем. Как бы то ни было, пока его сверстники из аула мыкались в городе, не в состоянии прожить без помощи родителей, шустрый Орынтай, получив образование, обогнал их всех.

Дружки в ауле, если сильно нуждались в чем-нибудь, ждали его приезда. Он, в свою очередь, не заставлял дружков долго упрашивать, вовремя давал то, что просили, а то, что давали они, без лишних слов увозил на своей «Тойоте». Только он сам знал, куда это сдавать, меняя на деньги.

Если дружки интересовались, он коротко отвечал:

– Агашка, это я делаю из сочувствия к вам. Мне тоже нелегко, иногда остаюсь в проигрыше.

На это такой болтун, как Сагын, говорил:

– Остаешься ты в проигрыше, едрит твою... ты же пиявка, сосущая все соки из «пособников».

Молодой проворный парень, кому едва перевалило за двадцать, не обижался на такие слова, он просто ухмылялся и отмалчивался. И этот Орынтай сегодня должен приехать. А долги Жетена ощутимо выросли. На этот раз ему не удастся отделаться шкурами и железяками.

– Ваши долги – восемь тысяч, – опять с нажимом сказала Асемкуль.

Нет, это не та Асемкуль, которая некогда обращалась к нему исключительно мягко, приветливо. В голосе ощутимый холод. В этом отношении ее сын лучше. С Орынтаем, наверное, будет легче договориться.

Жетен, крайне раздосадованный, вышел на улицу. Поведение невестки еще сильнее огорчило его. Может ли противостоять холоду человек с пустым желудком? Ветер, ударивший с запада, просквозил его до самых костей.

«Опырмай, эта Асемкуль перешла все границы, что стоило ей налить сто граммов? Ведь он, как старший человек, родич, посетил ее кафе! Ведь можно было ради приличия уважить его, мол, деверек, не хотите ли промочить горло? Вчера столь обходительная в словах Асемкуль сегодня словно с цепи сорвалась. Действительно, торговля портит человека. Эта баба стала вредной. Казашкой ее теперь не назовешь. Ну, погоди, чертовка, я тебе еще покажу, где раки зимуют!»

И от холода, и от переживаний охваченный дрожью Жетен шел к правлению бывшего колхоза, где обычно встречались подобные ему аульные гуляки. Такие вот мысли были у него в голове.

«Асемкуль – это человек! Асемкуль – женщина из женщин. Это настоящая женщина, которая не даст почувствовать, что дома нет мужчины. Редкий мужчина способен на такую щедрость, как она. Какой мужчина аула «Пособник» предложит такой дастархан, как Асемкуль? Эх, что и говорить о гостеприимстве и обходительности Асемкуль!»

Жетен, чей отяжелевший за ночь желудок, основательно дополненный черным чаем, все время напоминал о себе, опять думал о доме Асемкуль. Он не протянул руку за лепешкой, обжаренной на сливочном масле. Сайлакуль приготовила лепешки, заботясь о муже, дескать, не проголодался ли? В ушах звучал приятный мелодичный голосок невестки: «Берите еще, ешьте досыта», и ему не хотелось внимать грубоватому голосу жены: «Эй, наливай себе чай сам, а я пойду на улицу, дела есть».

Жетен долго обдумывал план мести женщине-торговке, которая вчера не налила ему сто грамм, и наконец придумал, как причинить серьезный ущерб ее кошельку. В тот короткий декабрьский день, с наступлением сумерек взяв с собой гуляку

Берикбола, болтуна Сагына, еще двух или трех дружков помоложе, он нагрянул в дом Асемкуль. Проведя весь день на ногах, молодка еще не успела отдохнуть. И она, усталая, изнемогающая, вынуждена была ухаживать за гостями. То, что дружки, бессовестно использующие принцип гостеприимства: «Если издали прибудет шестилетний младенец, шестидесятилетний старец придет отдать ему сале́м», заявившиеся под тем предлогом, что хотят услышать от Орынтая городские новости, по сути, преследуют совсем иную цель, дошлая женщина поняла сразу. Но все же аульчане соблюдают заветы предков: «Если в дом заползла ядовитая змея, казахи выпроваживают ее, поливая ей на голову молоком». Они думают так: «Этот раб божий, сотворенный Аллахом, пришел в дом по каким-то обстоятельствам. Пусть уйдет из доброго дома удовлетворенным, сытым, и тогда домочадцам не будет причинено зло». Ну а мотивы пришедшей в дом толпы были абсолютно понятны Асемкуль. Угодить большинству – все равно, что сотворить озеро. Сделаешь добро пусть даже с наперсток величиной – все равно кто-нибудь поведаст об этом народу. Не угодишь людям – будет чадить, словно головешка, дурная слава. Сплетня может породить большой пожар. Чтобы не проклинали, лучше угостить, как следует, и получить благословение. И тогда милосердный Аллах, до которого дойдет молитва, ниспошлет благо ее единственному сыну.

Думая так, Асем старалась не показать своей усталости. Ну и что, сегодня не выпится, еще один день будет ходить ослабевшая. Однако что только не видела, не пережила Асемкуль? Господи, что значит один день? Бывало, множество дней проходили, словно ночное мутное половодье. Ведя на поводу кобылу, приходила на край поля, привязывала лошадку и принималась за ночной полив кукурузы. Утром возвращалась домой, приторочив к кобыле два свежих снопа, и если не считать тех минут, когда удавалось задремать немного между двумя дойками, то ведь не было времени даже для нормального человеческого сна. Одинокую женщину ждала еще и работа по дому, которой тоже было невпроворот. В таких обстоятельствах она умудрилась дать образование Орынтаю. И вот теперь ее единственный сын встал на ноги. Поэтому ей не жалко угостить таких залетных гостей. Если на то пошло, потратит на них заработок пяти или шести дней. Лишь бы было здоровье. Поэтому Асемкуль с приветливой улыбкой обхаживала гостей.

В тот раз Жетен был удивлен, он не ожидал такого приема. Он думал, что она откупится парой бутылок водки и тарелкой с куырдаком. Однако ушлая торговка выставила на стол обильное угощение, были даже блюда с казы, карта, жал, жая. Оказывается, все эти деликатесы привез из города Орынтай. «О, боже, что за времена пошли – казахи везут казы и карта из города в аул!» По словам джигита, так лучше для этого дома.

Когда вспомнился Орынтай, Жетен, сидевший в раздумьях, сильно вздрогнул, пару раз клюнув носом. Простой чай не утолил жажду. Теперь у него не было ни желанья, ни терпения вновь расхаживать перед закрытым правлением бывшего колхоза в ожидании, пошлет ли бог удачу. Его целитель теперь – Орынтай. Он же молодой парень, вполне возможно, еще спит. Однако он же казах, не отпустит гостя с пустыми руками. Жетен быстро собрался. На этот раз он не стал оглядываться в сторону домочадцев, юркнул по тропе, проложенной пестрой коровой, и направился к дому Асемкуль. Тем не менее он опоздал. Когда он миновал четыре или пять домов, рядом промчался на «Тойоте» Орынтай, о котором Жетен думал,

что тот еще спит. Он только «бипнул» и пронесся мимо. Жетен впопыхах замахаля рукой, но тот не остановился, видимо, принял его жест за приветствие. «Мерзавец, промчался нахально рядом со старшим человеком, что стоило притормозить и отдать салем, перекинуться парой слов, как положено! Сегодняшняя молодежь вышла за все пределы. Будешь умирать – глоток воды не поднесет».

Посмотрел в сторону кафе. Заведение было открыто. Значит, Асемкуль уже там. Учитывая у себя дома, на работе Асемкуль совсем другая. «В торговле дружков нет». Казахи, увидев змею где-то в степи, обычно хлещут ее плетеной камчой, пропитанной конским потом. Таков обычай. Возле правления ему ничего не светит. И Жетен поневоле свернул в сторону дома. Что за дела? Промчавшийся мимо него Орынтай теперь стоял возле его дома. Если он хотел потребовать долг, то почему не остановился минутой назад? Ведь это дела мужчин с глазу на глаз. Что знают об этом домашние? Нет, кажется, дело совсем не в долге, Орынтай что-то выгрузил из «Тойоты» и поехал дальше. Только теперь Жетен заметил, что вчера его семья соорудила на улице, на краю двора, навес. И теперь его жена и дети что-то установили под навесом. Это был шкаф, приобретенный, когда Жетен был еще пастухом. Сайлакуль успела постелить на него клеенку и поставить в ряд немало вещей. Среди них было и то, в чем Жетен сегодня испытывал сильную нужду. Нахлобучив на себя голубой халат, оставшийся еще с пастушеских времен Жетена и топорщившийся на ней коробом, она стала похожа на обычного продавца. Добравшись до своего дома, Жетен решил показать, кто здесь мужчина.

– Что это такое? – спросил он, повысив голос.

– Это пестрая корова, – ответила Сайлакуль.

Перевод с казахского Аслана Жаксылыкова

Елен Алимжан родился 18 июня 1945 года в ауле Комекиши Таласского района Жамбылской области. Писатель, драматург, публицист. Окончил филологический факультет КазГУ им. С.М. Кирова. Работал комментатором в Казахтелестудии, в редакции областной газеты «Енбек туы», инструктором Жамбылского обкома партии, собственным корреспондентом газеты «Социалистік Қазақстан» по Жамбылской области, руководителем телерадиокомпании, заведомом газеты «Түркістан», ведущим специалистом в издательстве «Казахская энциклопедия», ответственным издателем журнала «Алтын шырақ», заведомом информационной аналитики при областном управлении внутренней политики, а также в научно-исследовательском центре «Бауыржантану».

Первый рассказ «Ән сыры» был опубликован в сборнике молодых писателей Казахстана «Таңғы шық» (1964). Елен Алимжан является автором сборников рассказов и новелл «Оралу», «Көріпкел», «Ақ періште – арманым», сборников пьес и публицистики «Тақталас», «Толық адам туралы», «Бауыржанның пырағы», «Адамгершіліктің ақ жолы».

Награжден медалями Советского Союза, орденом «Кұрмет», нагрудным знаком «Заслуженный деятель культуры».

